

Глава 17. Любителей напрашиваться на побои я вижу впервые

Усадьба оказалась крошечной, обойти её можно было за считанные минуты.

Куда бы ни направлялся Бай Чэнцзюэ, Сяо Муцзы не делал ни единой попытки его остановить. Стало ясно: Сюэ Бэйван не оставил в этом доме абсолютно никаких зацепок. Поняв, что искать здесь больше нечего, Чэнцзюэ заскучал и вернулся в свои покои.

Ужин Сяо Муцзы принёс из трактира. Но стоило открыть лакированный коробок, как в нос ударил тяжёлый запах жирной, сочащейся маслом еды. Аппетит пропал мгновенно.

— Приятного аппетита, молодой господин, — проговорил слуга. — Позже я вернусь и уберу посуду.

Бай Чэнцзюэ отложил бамбуковые палочки и тихо, с мягкой грустью спросил:

— Уже так поздно... Господин Сюэ ужинал? Может, стоит подождать его и поесть вместе?

— Наш хозяин в ближайшие дни здесь не появится, — отозвался Сяо Муцзы. — Так что извольте кушать и ни о чём не беспокоиться.

Бай Чэнцзюэ тревожно нахмурился. Он снова потянулся к палочкам, но тут же нерешительно опустил их на край стола. Заметив его смятение, Сяо Муцзы негромко кашлянул:

— Блюда не по вкусу?

— В прошлый раз господин Сюэ едва не погиб при покушении в поместье князя Миня. Я так боюсь, что и теперь...

Бай Чэнцзюэ испуганно осёкся и поспешно прикрыл рот ладонью. Он виновато покосился на Сяо Муцзы, словно сболтнул лишнее.

Это было тонкой уловкой — Чэнцзюэ прощупывал, насколько слуга посвящён в дела своего хозяина. Когда эти двое спорили у его постели, они упоминали лишь безрассудное поведение Сюэ Бэйвана, но ни словом не обмолвились о том, как тот уцелел в поместье князя Миня. Сяо Муцзы пока не связывал его с личностью «Бай Умина», и Чэнцзюэ решил рискнуть. Ему нужно было выяснить, доверил ли Бэйван своему ближнему слуге всю правду.

Сяо Муцзы действительно опешил. Нахмурившись, он перехватил руку юноши и отвёл её от лица.

«Попался», — мысленно усмехнулся Чэнцзюэ.

Внешне же он лишь испуганно отвёл взгляд. Сяо Муцзы сжал его запястье слишком сильно. Чэнцзюэ жалобно пригнул голову и тихонько вскрикнул от боли.

Слуга тут же разжал пальцы.

— Когда это он пытался пробраться к князю Миню?! — сурово спросил он.

— Некоторое время назад, — Бай Чэнцзюэ несмело коснулся рукава Сяо Муцзы. В его глазах заблестели слёзы. — Я не знаю, зачем вы здесь, но не хочу, чтобы господин Сюэ так рисковал. Если бы тогда брат Бай случайно не оказался рядом, голову господина Сюэ уже выставили бы на пике у ворот княжеской усадьбы. Он заставил брата Бая поклясться, что я ничего не узнаю, поэтому я не могу поговорить с ним открыто. Но вы ведь близки с ним... Умоляю, уговорите его бросить это опасное дело! У меня осталось немного сбережений. Нам хватит, чтобы уехать в какую-нибудь глухую деревню и открыть там скромную чайную...

Вся неприязнь, которую Сяо Муцзы питал к юноше, вмиг испарилась, уступив место искреннему восторгу. До чего же чистая душа! Ему не нужны были ни золото, ни власть, лишь бы их седьмой принц оставался цел и невредим. Прежде слуге казалось, будто неотёсанный боров пытается сожрать нежный кочан капусты, но теперь, глядя на это неземное создание, он мог лишь порадоваться: их дикий кабан наконец-то научился выбирать лучшее!

Сяо Муцзы осторожно похлопал Чэнцзюэ по руке, пытаясь успокоить:

— Не тревожьтесь. Я сам во всём разберусь. Возможно, мне придётся уйти на несколько дней. Вы...

— Я уже не дитя, — слабо улыбнулся Чэнцзюэ. — Ступайте со спокойным сердцем.

Слуга замялся, затем достал из-за пазухи увесистый кошель с серебром. Положил на стол, заколебался, приподнял... но в конце концов решительно подтолкнул его к юноше:

— Возьмите. Пусть побудет у вас на крайний случай. Как только я разыщу господина и удостоверюсь, что он в безопасности, сразу же вернусь.

Бай Чэнцзюэ мягко вернул кошель:

— Мне ничего не нужно, у меня есть деньги. Одно лишь прошу — пусть господин Сюэ вернётся невредимым.

Разве могло чьё-то сердце устоять перед такой кротостью и заботой? Сяо Муцзы шумно

вздыхнул, спрятал кошель обратно в карман, ещё раз наказал юноше беречь себя и поспешно покинул двор.

Едва силуэт Сяо Муцзы растаял в сумерках, от бывшей кротости Бай Чэнцзюэ не осталось и следа. Сморщившись от отвращения, он отодвинул пахучее жирное варево подальше и прикрыл нос широким рукавом.

В ту же минуту через окно бесшумно скользнул Е Гуй. По его знаку в комнату вошли несколько молчаливых теней, убрали со стола нетронутую еду и тут же растворились во тьме.

— Господин, — негромко доложил Е Гуй, — «крупная рыба» нанялась на службу в наше поместье. Я приказал приставить его к самой грязной работе. К вашим покоям его и близко не подпустят.

Бай Чэнцзюэ холодно усмехнулся:

— Надо же. Ради моей смерти императорский род Чэнь готов пойти даже в конюхи и водоносы.

— Каковы будут приказания?

— Возвращаемся в поместье.

— Божественный лекарь Лэ строго-настрого запретил вам принимать пилюли в ближайшее время, — напомнил Е Гуй.

Бай Чэнцзюэ одарил его долгим, холодным взглядом.

— Напомни-ка, — тихо произнёс он, — ты служишь мне или Лэ Ую?

Тень опустила голову:

— Слушаюсь.

Он достал из-за пазухи небольшую шкатулку из тёмного дерева и протянул хозяину.

— Найди способ засадить под стражу личного слугу Сюэ Бэйвана, — ровным тоном распорядился Чэнцзюэ. — Подбери какое-нибудь мелкое обвинение, чтобы обошлось без пыток и смертной казни.

— Будет исполнено.

Бай Чэнцзюэ взял шкатулку, достал покоящуюся на алом шёлке круглую пилюлю и положил её в рот. Горький, вязущий вкус мгновенно растёкся по языку.

Его тело начало меняться. Мышцы натянулись, связки заныли — постоянное применение этого снадобья превращало каждое мгновение в изошрённую пытку.

Впрочем, он с детства привык к боли. Ради того, чтобы разыграть очередную безупречную сцену перед врагами, он без колебаний калечил собственную плоть. Снадобье стремительно перестраивало тело: хрупкий, изящный силуэт Первой красавицы наполнялся мужской силой, плечи становились шире, осанка — крепче. Такое преображение лишало любого случайного свидетеля возможности сопоставить эти два столь непохожих облика.

Вновь скрыв лицо под тяжёлой маской, он сел в паланкин. По дороге яд испытывал его нервы на прочность. На лбу выступила ледяная испарина, и, когда Чэнцзюэ ступил на землю у ворот поместья, земля ушла у него из-под ног. Он крепко сжал губы. Сквозь прорези шлема тусклые красные фонари усадьбы казались расплывчатыми, пульсирующими пятнами.

Превозмогая дурноту, он сохранял ледяное величие и медленно, размеренно зашагал вглубь двора.

Голова кружилась немилосердно. Стоило ему войти во внутренний двор, как какой-то неосторожный слуга со всего маху налетел на него. Чэнцзюэ пошатнулся, и лишь бдительность сопровождавших его евнухов, подхвативших господина под руки, уберегла его от позорного падения.

— Как ты смеешь, ничтожество! — взвизгнул старший слуга. — Стража! Взять этого пса и забить палками насмерть!

— Что?! — испуганно выдохнул виновник.

У Чэнцзюэ не было сил разбираться. Он раздражённо взмахнул широким рукавом:

— Довольно. Обычная оплошность. Сегодня я не желаю видеть кровь.

— Ваше Высочество! Позвольте узнать, вы не ушиблись? — затараторил парень, привязавшись к нему пуще прежнего.

Под железным забралом Чэнцзюэ гневно прищурился. В нём проснулось непреодолимое желание немедленно придушить наглеца, но, присмотревшись к назойливому оборванцу, он мгновенно помрачнел.

Сюэ Бэйван!

Этот безумец мало того что нанялся в поместье чёрным рабочим ради покушения, так ещё и разыгрывает перед ним дешёвые комедии!

Чэнцзюэ молча сверлил его ледяным взглядом. Давление его ауры было настолько тяжёлым, что слуги вокруг застыли, боясь даже вздохнуть.

— Ваше Высочество, прошу вас, прикажите высечь негодного раба! — Бэйван скорчил недовольную мину, хотя на лице его было крупными буквами написано крайнее отвращение к собственной роли. — Раб провинился и заслуживает кары... Но умоляю, сохраните мне жизнь!

— Что же, любителей напрашиваться на побои я вижу впервые, — холодно отозвался князь Минь.

Сюэ Бэйван на миг торжествующе прищурился.

«Сработало! Я привлёк его внимание! Какая гениальная уловка!»

Бай Чэнцзюэ тихо, едва уловимо усмехнулся. Он наклонился и грубо вскинул подбородок парня вверх, заставляя смотреть себе в глаза.

— Раз уж ты так просишь, — процедил он сквозь зубы, — я исполню твоё желание.

Он резко отпустил его, достал из рукава белоснежный шёлковый платок, тщательно вытер пальцы, которыми только что прикасался к чужой коже, и небрежно бросил испачканную ткань к ногам Бэйвана.

— Двадцать ударов палками. Как закончите, пусть наполнит до краёв все чаны для воды на заднем дворе.

Развернувшись, Чэнцзюэ негромко, натужно закашлялся.

У него не оставалось душевных сил нянчиться с этой глупой ищейкой. Убить Сюэ Бэйвана прямо сейчас означало спугнуть крупную дичь. Но раз уж тот сам пришёл, стоило превратить его жизнь в сущий ад, чтобы этот горе-убийца убрался из поместья быстрее, чем успеет занести кинжал.

Сидя на сырой земле, Сюэ Бэйван провожал удаляющуюся фигуру князя полным ярости взглядом. Он закрипел зубами от бессильной злобы. Если бы не великая цель, он бы прямо здесь свернул этому изнеженному тирану шею! Какое лицемерие! Какая жестокость!

В итоге великий принц царства Чэнь сполна вкусил гостеприимства чужой земли: его зад знатно разукрасили тяжёлыми бамбуковыми палками.

Кое-как поднявшись на подкашивающихся ногах, он едва устоял на месте, когда дежурный слуга сунул ему в руки два глубоких деревянных ведра с коромыслом.

— Ну что, Ванбэй, ступай на задний двор, — сочувственно похлопал его по плечу надзиратель. — Там шесть огромных чанов. Колодец в восточном крыле, так что этой ночью тебе придётся попотеть. И впредь держи свой ум при себе. Скажи спасибо, что у Его Высочества сегодня было благодушное настроение, иначе твои кости уже обгладывали бы собаки за воротами.

— Я... я не нарочно, — пробормотал Бэйван, силясь скрыть гримасу боли.

— Да брось ты, любой дурак разглядел бы твою глупую уловку. У нашего господина слабое здоровье, его жизнь драгоценна. Если бы ты нанёс ему хоть малейший вред, тебя бы на куски разорвали, и то не искупил бы вины.

Бэйван озадаченно моргнул, прокручивая в голове недавнюю сцену.

«Я наотрез отказываюсь верить, что моя актёрская игра была настолько убогой! Я ведь безупречно вошёл в образ забитого, дрожащего от страха слуги. Нет, дело определённо в самом князе Мине. Этот калека просто бесчувственное, жестокое чудовище!»

В это же время в главных покоях Бай Чэнцзюэ сделал глоток тёплой ласточкиной каши и с тихим вздохом отставил фарфоровую пиалу.

— Унеси, Е Гуй...

— Господин, вы сегодня маковой росинки во рту не держали, — мягко возразил Е Гуй. — Сделайте ещё хоть пару ложек.

— Стоит мне вспомнить сегодняшнюю рожу Сюэ Бэйвана, как кусок в горло не лезет, — Чэнцзюэ опёрся щекой о ладонь. Усталость тяжёлой тенью легла на его лицо. — Если бы не стража у меня за спиной, он бы непременно выхватил нож из-за пазухи. Намерение прикончить меня у него прямо на лбу написано, любой слепец разглядел бы.

— Позвольте мне оборвать его жизнь, — предложил Е Гуй. — Мы сделаем всё чисто, никто не свяжет его смерть с поместьем князя Миня.

— Если он умрёт, князь Чжао укрепитесь в своих подозрениях на мой счёт, — покачал головой Чэнцзюэ. — Как ни заметай следы, дотошная ищейка всегда отыщет зацепку. К тому же мы едва-едва ухватили князя Чжао за хвост. Смерть Сюэ Бэйвана разрушит всю игру, и мы снова останемся ни с чем.

— Вы просто не хотите его смерти?

Бай Чэнцзюэ слегка растерялся. Прямолинейность Тени порой обезоруживала.

В мыслях невольно промелькнул образ Сюэ Бэйвана — того, глуповатого и заботливого, что крутился вокруг «Девы Цзюэюй». Пусть то было притворством, но Чэнцзюэ слишком давно не чувствовал искреннего тепла. Человек устроен так, что инстинктивно тянется к свету, даже если этот свет едва теплится. Тот, кто всю жизнь провёл в кромешной тьме, неизбежно начинает тосковать по мимолётному теплу...

— Пожалуй, в твоих словах есть доля правды, — тихо отозвался он, глядя на остывающую кашу. Но когда он вновь поднял глаза на Е Гуя, в них уже сквозила холодная, опасная усмешка: — Хотя мгновение назад мне действительно до смерти хотелось придушить его.

— Господин, держать при себе столь опасного врага — безумие.

Бай Чэнцзюэ медленно потянулся к фарфоровой чашечке и негромко спросил:

— Что? Теперь ты вздумал учить меня, как поступать?

Слова ещё не замерли в воздухе, а изящный сосуд уже выскользнул из его пальцев и с сухим звоном разлетелся вдребезги о каменный пол.

Е Гуй мгновенно опустился на одно колено:

— Ни в коем случае, господин. Простите мою дерзость.

— Вели отправить ему Золотое лекарство от ран. Будет досадно, если он испустит дух раньше времени.

Бай Чэнцзюэ поднялся. Шорох его шагов по осколкам фарфора прозвучал пугающе отчётливо. Е Гуй безмолвно замер, склонив голову. Спустя мгновение тишину покоев нарушил лишь мягкий скрип ложа.

— Свободен. Ты тоже изрядно утомился за эти дни, ступай отдыхать.

<http://bllate.org/book/18210/1749805>